

И.О. Гетманец

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ А. С. МАКАРЕНКО

Проблема «Макаренко и Украина» относится к числу наименее разработанных. Ее касался в своих исследованиях только Г. Хиллиг, который свел ее к проблеме национальной идентификации писателя-педагога. Нам представляются наиболее важными два аспекта этой проблемы: отношение Макаренко к национальному вопросу и национальный концепт в художественном творчестве Макаренко-писателя.

В настоящей статье мы коснемся только первого аспекта. Следует сказать со всей определенностью, что национальная идея, проблема национальной самостоятельности Украины не занимала Макаренко. Более того, он осуждал националистов-самостийников и изображал их в негативном свете в «Педагогической поэме» (воспитатель Дерюченко). Однако Макаренко вырос и сформировался в украинской этно-культурной среде, жил среди простого народа, воспитывал украинских детей, поэтому нес в себе менталитет и культуру украинского народа. В связи с этим никак нельзя согласиться с высказыванием на эту тему брата Антона Семеновича Виталия Семеновича, содержащемся в его воспоминаниях. Трудно понять причины, по которым он открыто отрекается от своих украинских корней, крайне резко осуждает все украинское и подобные взгляды приписывает брату. Вот некоторые из его изречений: «... Несмотря на свое украинское происхождение, Антон был 100% русским» [1, 79]; «... этот ужасный искусственный украинский язык, который я ненавижу так же, как Антон» [1, 89]; «За всю мою жизнь в России я не держал в руках ни одной украинской книги, да и Антон не держал» [1, 155]. О сомнительности последнего утверждения свидетельствуют сведения, которые сам он дает в этих же воспоминаниях: Антон читал Грушевского, Костомарова, Яворницкого, Шевченко и других украинских авторов. Об абсурдности же подобных суждений в целом можно судить на основании следующего его заявления: «На украинском языке никто не говорил ни в Крюкове, ни во всей Украине, даже при Петлюре» [1, 155]. Виталий Семенович представляет дело так, что в Крюкове – типичном украинском провинциальном городке – никто не говорил по-украински: «на украинском языке говорили только крестьяне», «... у нас дома, если произносили украинское слово, то случайно, в шутку», «мама и подавно не знала «украинской мовы» и т. д. И в то же время он дает подсознательно такую информацию, которая опровергает сказанное. «Мама, - пишет он, - была шутница, вся пропитанная украинским юмором» [1, 31]. Самые близкие друзья их семьи – Чернышевы – оказывается, говорили только по-украински: «Вся семья была на редкость патриархальной и дружной. Из всех наших знакомых это были наши самые близкие друзья. Г-жа Чернышева была моей крестной матерью. Их семья говорила на украинском языке (но не была

самостийниками-сепаратистами)» [1, 117].

Все эти факты свидетельствуют о том, что нельзя относиться с доверием к тому, что пишет Виталий Семенович по «национальному вопросу». Это свое ничем не оправданное негативное отношение к Украине он приписывает и своему брату. Однако у самого Антона Семеновича подобные высказывания не встречаются ни в письмах, ни в статьях.

Чтобы разобраться в этой сложной проблеме и объективно оценить позицию Макаренко в национальном вопросе, необходимо представить политическую атмосферу, которая царила в Украине в 30-е годы. Это были годы массового уничтожения национальных кадров, элиты украинского народа – писателей, ученых, артистов, учителей, общественных деятелей. Все началось еще в 1926 году после письма Сталина «Тов. Кагановичу и другим членам ЦК КП(б)», в котором вождь подверг резкой критике взгляды Н. Хвылевого. С тех пор террористическая кампания накатывалась на Украину одна за другой: борьба с хвылевизмом, борьба с шумскинизмом, а в 1930 году начался сфабрикованный судебный процесс над так званой Спілкою визволення України (СВУ). Руководителем этой организации и идеологом украинского национализма был признан выдающийся ученый-литературовед и политический деятель С. Ефремов, имя которого было заклеено партийной пропагандой как символ буржуазного национализма и врага народа. Таким оно было задолблено в общественном сознании на многие годы, поэтому можно понять Макаренко, почему он в негативном смысле называет его в «Педагогической поэме», выражая свое осуждение национализма. В октябре 1933 года (в разгар работы Макаренко над «Педагогической поэмой») ЦК КП(б)У принял постановление «О работе Украинского научно-исследовательского института педагогики и Всеукраинского общества «Педагог-марксист», после которого начались репрессии в сфере, особенно близкой Макаренко. В постановлении было сказано, что институт «последние два года был засорен контрреволюционными буржуазно-националистическими элементами, что руководители общества «открыто смыкались с враждебными элементами». Было подвергнуто критике также старое руководство Наркомата просвещения (имелся ввиду Н. Скрыпник) за насильственную украинизацию и другие ошибки. После этого постановления началась новая волна наступления на национальные кадры: публичные расправы, аресты, суды, самоубийства. Именно в это время покончили жизнь самоубийством Н. Скрыпник и Н. Хвылевой, застрелился в своем кабинете начальник Харьковского областного управления ГПУ, непосредственный куратор коммуны имени Дзержинского Соломон Мазо. Последний в своей предсмертной записке писал: «Что вы делаете? Зачем вы уничтожаете честных людей?» Среди репрессированных педагогов было немало оппонентов Макаренко, бывших «врагов колонии имени Горького», однако он не мог не осознавать абсурдности предъявленных им политических обвинений.

Наиболее острое суждение Макаренко на национальную тему,

содержащееся в «Педагогической поэме», заслуживает особого внимания, так как может дать повод современным «украинским патриотам» обвинить писателя в антиукраинских настроениях и неуважительном отношении к Шевченко.

В произведении есть такая характеристика воспитателя Дерюченко: «Дерюченко был ясен, как телеграфный столб: это был петлюровец. Он «не знал» русского языка, украсил все помещение дешевыми портретами Шевченко и немедленно приступил к единственному делу, на которое был способен, – к пению «украинских писэнь»».

В первом издании «Поэмы» после этого абзаца следовал фрагмент, исключенный Макаренко в последующих изданиях. Приведем его полностью.

«Для тогдашних петлюровцев Шевченко был наиболее удобной дымовой завесой в деле прикрытия настоящей физиономии. Культ Шевченко никакого отношения не имел к социальному содержанию его творчества. Тексты Шевченко были для петлюровца чем-то наподобие текстов священного писания. Они воспринимались без всякой критики и даже без всякого участия мысли, как священнейшие крупинки украинской идеи, как символы украинской державности и как память о великих временах гетманов и козарлюг.

Дерюченко целыми днями старался приспособить ребят к «пению украинских писэнь» и к созерцанию портретов Шевченко. И жизнь самого Дерюченко, и жизнь всего человечества представлялись годными только для подготовки к величайшему мировому празднику – 26 февраля, «роковым» рождению и смерти Тараса. К этому дню приобретались новые портреты, разучивались новые песни, и в особенности разучивался национальный гимн, легально заменивший «Ще не вмерла Украина», – так называемый «Заповит», который распевался с страшными выражениями физиономий и с дрожью баритонов, а сильнее всего в словах:

И вражою злою кровью
Волю окропите.

Я прекрасно понимал, что злая кровь – это вовсе не кровь помещиков или буржуев, нет, это кровь москалей и таких ренегатов, как я.

Колонистам некогда было разбираться в сущности петлюровских симфоний. Побаваясь наших сводных, они работали до вечера, а вечером разбегались по саду, и молебны, посвященные равноапостольному Шевченко, распевались самим Дерюченко, двумя-тремя мельничными и гостями с Гончаровки» [2, 460].

Здесь важны два момента: отношение Макаренко к Петлюре и отношение к Шевченко. С Петлюрой все ясно: он воспринимался писателем в духе господствовавшей в стране оценки его как политического деятеля: Петлюра – националист, предатель, враг украинского народа. По-другому в то время оценивать Петлюру не мог никто.

Теперь о Шевченко. Украинские националисты, подобные Дерюченко, не только сделали имя Шевченко знаменем в своей борьбе за самостоятельность Украины, но использовали его творчество для разжигания русофобии, нагнетания ненависти к «москалям».

С особым пафосом и «дрожью баритонов», по словам Макаренко, распевали они «Заповіт» Шевченко, делая акцент на словах: „І вражою злою кров'ю Волю окропіте”. Этим словам они придавали злобный антирусский подтекст, который не мог не возмущать его.

Макаренко не только не отождествляет Шевченко с националистами, но считает, что они извращают творчество великого поэта. Он прямо говорит, что культ Шевченко никакого отношения не имел к социальному содержанию его творчества. Имя, образ и творчество Шевченко используются ими в неблагоприятных целях.

Конечно, сейчас, после происшедших социально-политических изменений в Украине однозначно оценивать позицию Макаренко сложно, потому что украинская идея была и остается ключевой в исторической судьбе народа, а творчество Шевченко было духовной опорой в его борьбе за национальную независимость. Очевидно, Макаренко сам чувствовал сомнительность своей позиции и приведенное рассуждение о национализме и Шевченко изъял из окончательного варианта текста «Поэмы».

Следует подчеркнуть, что главные основания для отрицательной характеристики Дерюченко – педагогические: он – бездарный воспитатель, способный только на пение украинских песен. В изъятом отрывке Макаренко фактически выходит за пределы изображения художественного мира и пытается комментировать сложнейшую политическую проблему, поэтому, почувствовав, возможно, неубедительность и спорность своей позиции, вычеркнул его. Можно говорить о недостаточной корректности некоторых высказываний Макаренко о Шевченко, однако обвинять его в неуважительном отношении к нему нет оснований.

Есть в биографии Макаренко один парадоксальный факт: гневно осуждая самостийников-петлюровцев, он до конца дней своих искренне дружил с человеком, который был видной фигурой в украинском национальном движении. Речь идет о Константине Семеновиче Кононенко – бывшем члене Украинской Центральной Рады. Впервые факты о его жизни собрали Г. Хиллиг и В. Марочко и опубликовали в книге «Свидетельства искренней дружбы: воспоминания К. С. Кононенко о А. С. Макаренко» [3]. В книгу вошли воспоминания Кононенко о Макаренко «Забыть его нельзя», написанные в 1940 году, стенограмма его выступления на заседании кафедры педагогики Харьковского педагогического института иностранных языков 25 ноября 1940 года, статья «Благородная жизнь», опубликованная в газете «Радянська освіта» 30. 03. 1941 г., а также сохранившаяся переписка.

Деятельность Кононенко была настолько заметной в истории Украины, что он вошел в эмигрантскую украинскую энциклопедию «Енциклопедія українознавства» (Париж – Нью-Йорк, 1959) как видный политический деятель и экономист. Его судьбу в советское время проследили Г. Хиллиг и В. Марочко и существенно дополнили биографические сведения, содержащиеся в энциклопедии. Кононенко родился в 1889 году в г. Рыльске и был на год моложе

Макаренко. В 1916 году он окончил агрономическое отделение естественного факультета Харьковского университета, в советское время занимал видные посты в системе Наркомзема, Наркомфина и Наркомпроса УССР. В 1930 году он был арестован по делу о так называемой «Контрреволюционной вредительской организации в сельском хозяйстве УССР» и приговорен к 8 годам лишения свободы. Однако, учитывая его авторитет как специалиста, заключение в тюрьме заменили принудительной работой в качестве экономиста в системе ГПУ УССР. Вначале он был направлен в трудовую коммуну ГПУ им. Балицкого в с. Ладын вблизи г. Прилуки, а в 1932 году переведен в Харьковскую трудовую коммуну им. Дзержинского, где и состоялась его встреча с Макаренко.

С 1938 по 1941 годы Кононенко занимался педагогической деятельностью в разных учебных заведениях г. Харькова, преподавал математику и химию в железнодорожной школе, в фармацевтическом институте, школе медсестер. В период немецкой оккупации города служил в земельной управе, а в 1943 году эмигрировал в Германию. После войны жил в Мюнхене, занимался научной деятельностью и принимал активное участие в жизни украинской эмиграции. Здесь он опубликовал книгу «Аграрна політика більшовиків» и множество статей по проблемам социально-экономического развития СССР. С 1949 по 1951 годы возглавлял редакцию еженедельника «Український самостійник». В 1951 году переехал в США, где написал книгу «Україна і Росія. Соціально-економічні підстави національної ідеї». Умер в 1964 году в г. Бунтон, недалеко от Нью-Йорка.

Макаренко увидел в Кононенко разносторонне образованного человека, проявляющего большой интерес к художественной литературе, обладающего здоровым эстетическим вкусом, способного реалистически оценивать литературное творчество. Можно сказать, что он вдохновил Макаренко на написание «Педагогической поэмы». Об этом свидетельствует дарственная надпись на подаренном ему первом издании книги: «Константину, без нахальной настойчивости которого эта книга не существовала бы» [3, 9]. Мнением Кононенко Макаренко очень дорожил, и прежде чем посылать рукопись «Педагогической поэмы» в печать, он давал ему на прочтение. В августе 1934 года, завершив вторую часть «Поэмы», он писал ему: «27-го думаю выехать в Москву. Не знаю, заеду ли в Харьков».

Как бы это устроить, чтобы ты приехал обязательно, слышишь, непременно и обязательно. Лучше было бы, чтобы ты приехал дня на два. Пожалуйста, приезжай, слышишь, обязательно приезжай, а то мне страшно будет посылать поэму, непрочитанную тобой» [3, 10].

Их сближали литературные интересы (Кононенко тоже писал стихи, сказки для детей и просил Макаренко высказать критические замечания), педагогические проблемы и, очевидно, взгляды на жизнь. Тем более, что в их жизненных судьбах было немало общего: оба выходцы из демократической среды (отец Кононенко – служащий в провинциальном городке), в Первой мировой войне не участвовали, позиции большевиков не разделяли, у того и другого был брат – белый офицер. Кстати, три брата и сестра Кононенко были репрессированы в 1930 году.

В переписке Макаренко и Кононенко чувствуется жажда общения, которая бывает у очень близких по духу людей. Вот несколько отрывков из их писем.

«Все-таки я приеду, черт возьми, в Харьков и наговорюсь с вами (имеются в виду Кононенко и его жена – И. Г.) аж до обалдения. Об этом мечтаю, как о празднике. Мечтаю и все», - писал Макаренко из Киева 22. 10. 1935 года [3, 17].

Из письма Кононенко от 23. 01. 1939 г.: «Не думай, что я это посчитал за «зазнайство» или обиделся на тебя, а просто я подумал, что после длительных бесед и обстоятельного обмена мыслями всякое письмо будет казаться бледным» [3, 53].

В письме от 7. 02. 1939 г. Кононенко приглашает Макаренко приехать в Харьков и опять подчеркивает желание поговорить с ним: «Доставь мне удовольствие поговорить» [3, 55].

Наиболее точно характеризуют их отношения следующие слова Кононенко: «Я любил моего Антона так, как можно любить только самого близкого и родного человека, как друга в самом лучшем и полном понимании слова «дружба» [3, 25].

Совершенно очевидно, что говорили они не только о литературе и вряд ли обходили вниманием украинскую тему. Узнать это невозможно, однако факт остается фактом: «ярый враг» самостийников считал своим ближайшим другом убежденного самостийника, бывшего члена Центральной Рады и будущего редактора националистической газеты «Український самостійник». Это говорит о том, что в жизни Макаренко мог волне терпимо, с пониманием относиться к истинным патриотам Украины. Напрашивается и второй вывод: в то время малейшие симпатии к национальному вопросу вызывали такую жестокую реакцию со стороны власти, что Макаренко, как и все украинские писатели, вынужден был демонстративно отречься от национальной идеи, клеймить «буржуазных националистов» как предателей украинского народа. Подобные проклены адресовали националистам все выжившие в условиях сталинского режима украинские писатели, в том числе П. Тычина, М. Рыльский, Н. Бажан, В. Сосюра и др.

Литература

1. Макаренко В. Мой брат Антон Семенович. Воспоминания, письма. [Составитель: Гетц Хиллиг]. – Марбург, 1985. – 201 с.
2. Макаренко А.С. Педагогическая поэма. Собр. соч. в 7- и тт. – Т. 1. – М: Изд-во Акад. пед. наук, 1957. – 783 с.
3. Свидетельства искренней дружбы. Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. [Составители: Г. Хиллиг, В. Марочко]. – Марбург, 1997. – 102 с.

Аннотация

В статье на основе новых источников освещается национальная проблема

в идейно-эстетических взглядах А. С. Макаренко. В ней впервые анализируются высказывания писателя-педагога по национальному вопросу, доказывається их вынужденный характер в условиях жесткого политического террора в Украине.

Ключевые слова: идейно-эстетические взгляды, национальная проблема, политический террор.

Анотація

У статті з урахуванням нових джерел висвітлюється національна проблема в ідейно-естетичних поглядах А. С. Макаренка. В ній вперше аналізуються висловлювання письменника-педагога з національного питання, доводиться їх вимушений характер в умовах жорстокого політичного терору в Україні.

Ключові слова: ідейно-естетичні погляди, національна проблема, політичний терор.

Summary

National problem in ideological-aesthetical views of A. S. Makarenko is the subject of the present article. Writer-educator's statements about national issue are analyzed for the first time. The author of the article proves that they are of forced nature under the conditions of oppressive political terror in Ukraine.

Key words: ideological-aesthetic views, national problem, political terror.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Силаевым А. С.